

До приезда в Париж

Я родилась в Сан-Франциско, штат Калифорния. А потому всегда предпочитала жить в умеренном климате хотя и на Европейском континенте, и в Америке трудно найти умеренный климат и жить в нем. Мой дед по материнской линии был пионер, он приехал в Калифорнию в сорок девятом и женился на бабушке, которая очень любила музыку. Она была ученицей отца Клары Шуман. Моя мать была тихая милая женщина по имени Эмили.

Отец был из потомственных польских борцов за свободу. Его прадед собрал для Наполеона полк и сам его возглавил. Его отец едва женившись на бабушке уехал в Париж драться на баррикадах, но вскоре после того, как жена перестала высылать ему деньги, вернулся и занял жизнью состоятельного помещика-консерватора.

Сама я никогда не испытывала симпатий к насилию и питала склонность к вязанию и садоводству. Мне нравятся картины, мебель, гобелены, дома и цветы, а также овощи и фруктовые деревья. Бывает, мне нравится тот или иной пейзаж, но я предпочитаю сидеть к нему спиной.

В детстве и юности я была тихой воспитанной девочкой как то и полагалось в семьях нашего круга. Мне случалось чем-нибудь этаким увлечься но только тихо. Лет в девятнадцать я была большая поклонница Генри

Джеймса. Мне казалось, что из «Трудного возраста»¹ выйдет замечательная пьеса и я написала Генри Джеймсу и предложила сама сделать инсценировку. Я получила от него в ответ восхитительное письмо, а потом, когда поняла, какой это с моей стороны было наглостью, мне стало очень стыдно, и я письмо уничтожила. Наверное тогда мне казалось что я просто не имею права его хранить, в любом случае письма больше нет.

До двадцати лет я всерьез интересовалась музыкой. Я училась и упражнялась со всем усердием, а потом все это показалось мне бессмысленным, умерла мама и тоска была не то чтобы уж совсем отчаянной, но интерес двигаться дальше пропал как-то сам собой. В рассказе «Ада» из книги «География и пьесы» Гертруда Стайн очень хорошо меня описала какая я тогда была.

С тех пор лет примерно шесть я была страшно занята. Жизнь у меня была очень приятная, много друзей, всяких развлечений, много разных интересов, жизнь была довольно полнокровная, и мне это нравилось, хотя и не то чтобы до дрожи. Вот тут и случился Большой пожар в Сан-Франциско², из-за которого в конечном

¹ «Трудный возраст» — роман Генри Джеймса, публиковавшийся с октября 1898-го по январь 1899 года в журнале «Harper's Weekly», а несколькими месяцами позже вышедший отдельным изданием. В центре повествования — два женских персонажа, «свободная интеллектуалка» Нанда Брукенхем и воспитанная на строгий «континентальный» манер Эджи. Роман почти целиком построен на диалогах. (*Здесь и далее — прим. переводчика.*)

² Речь идет о трехдневном пожаре, возникшем в результате разрушительного землетрясения в Сан-Франциско 18 апреля 1906 года (первый толчок в 5 ч. 11 мин. утра, сила 8,3 балла по шкале Рихтера). Городской водопровод был разрушен; пожарные и спасательные команды, вынужденные заниматься одновременно разборкой завалов и тушением многочисленных очагов возгорания, также оказались не готовы к стихийному бедствию подобного масштаба и нередко сами способствовали распространению огня. В результате были практически полностью уничтожены 13 кв. км центральной части города, погибло около 700 человек, а 250 тыс. остались без крова.

счете в Сан-Франциско вернулись из Парижа старший брат Гертруды Стайн и его жена а это привело к тому, что моя жизнь полностью переменялась.

Я тогда жила с отцом и с братом. Отец был человек спокойный и ко всему относился спокойно, хотя про себя очень переживал. В первое страшное утро Большого пожара я разбудила его и сказала, что город трясло а теперь повсюду горит. Присадили нам фингал с востока, ответил он, перевернулся на другой бок и снова уснул. Помнится как-то раз когда мой брат с приятелем отправились верхом на прогулку, одна из лошадей вернулась к гостинице без седока, и мать того второго парня впала в истерику. Успокойтесь мадам, сказал отец, а вдруг это мой сын погиб а не ваш. Одну из его аксиом я запомнила навсегда, если чего-то не делать нельзя, постарайся делать это пристойно. Еще он говорил мне что хозяйка ни в коем случае не должна извиняться за беспорядок в доме, раз в доме есть хозяйка значит беспорядка в доме быть не может.

Как я уже сказала мы жили очень дружно и никакой потребности в переменах ни даже мысли такой у меня не было. Все началось с пожара он взбаламутил тихое течение наших будней а потом приехали старший брат Гертруды Стайн и его жена.

Миссис Стайн привезла с собой три маленьких картины Матисса, первые современные полотна, пересекавшие Атлантический океан. Я познакомилась с ней, время было тяжелое и смутное, и она мне их показала, а еще рассказала массу историй из своей парижской жизни. Со временем я сказала отцу что может быть уеду из Сан-Франциско. Его это не слишком обеспокоило, в конце концов люди в то время постоянно уезжали и приезжали к тому же многие из моих тоже собирались ехать. Уехала я меньше чем через год и оказалась в Париже. Там я зашла к миссис Стайн которая тоже успела тем временем вернуться в Париж, и там в ее доме встретила

Гертруду Стайн. На меня произвели большое впечатление коралловая брошь которую она тогда носила и ее голос. Надо сказать только три раза за всю мою жизнь я встречала гениев и всякий раз у меня внутри звенел колокольчик и я понимала, что не ошиблась, и надо сказать каждый раз это было до того как становилось принято замечать в них черты гениальности. Эти три гения были Гертруда Стайн, Пабло Пикассо и Альфред Уайтхед¹. Мне часто доводилось встречать людей значительных, встречалась я и с великими людьми, но я свела знакомство только с тремя первоклассными гениями, и всякий раз при виде одного из них у меня внутри раздавался этот звон. И я ни разу не ошиблась. Вот так и началась моя новая полнокровная жизнь.

¹ *Уайтхед* Альфред (1861–1947) — великий английский философ и ученый.

Мой приезд в Париж

Год был 1907-й. Гертруда Стайн как раз следила за выходом из печати «Трех жизней»¹, которые она издала за свой счет, и с головой ушла в «Становление американцев»², в своего тысячестраничного гиганта. Пикассо только что закончил ее портрет, который тогда никому кроме портретиста и его натуры не нравился³ а теперь стал таким знаменитым, и едва-едва успел начать свою странную и непонятную картину с тремя

¹ «Три жизни» — книга, написанная Гертрудой Стайн под явным воздействием Флобера и французских натуралистов (примерно за год до этого она по совету Лео, старшего брата, взялась переводить на английский флоберовскую «Простую душу» и надолго подпала под очарование текста). Знаменитый «нулевой градус письма» был открыт задолго до Камю и пересажен Гертрудой Стайн на английскую почву с немалой долей чисто языковой изобретательности и просто таланта. Книга принесла Стайн литературную известность, статус разрушителя канонов, создателя нового литературного языка и лидера новой (modern) англоязычной словесности. В обращении с хронологией, однако, автор позволяет себе некоторые вольности. Элис Би Токлас действительно приехала в Париж весной 1907 года, но «Три жизни» вышли из печати только в 1909-м.

² «Становление американцев» — первый большой роман Гертруды Стайн — автобиографическое повествование, основанное на пропущенной через массу личностных и литературно-стилистических фильгров истории собственной семьи. Вышел в 1911 году.

³ Автор лукавит. Самой Гертруде Стайн портрет поначалу тоже не понравился.

женщинами¹, Матисс как раз дописал «Радость жизни», первую большую композицию, которая принесла ему имя фовиста или дикого. Это был тот самый момент, который Макс Жакоб назовет впоследствии героической эрой кубизма. Мне помнится не так давно я слышала как Пикассо и Гертруда Стайн говорили о разных событиях произошедших в это самое время, и один из них сказал, но послушай это все не могло случиться в один и тот же год, ну сказал другой, дорогой мой ты забываешь мы тогда были молоды и чего только не могли сделать за год.

Много чего можно порассказать о том что тогда происходило и о том, что было до того и послужило причиной, но сперва я должна описать что увидела когда появилась там сама.

Дом номер 27 по Рю де Флёрюс состоял тогда как и сейчас из крохотного двухэтажного флигеля на четыре маленькие комнатки, кухни и ванной и обширной пристройки — студии. Сейчас флигель соединен со студией выстроенным в 1914 году коридорчиком, а тогда у студии был свой отдельный вход, и вы либо звонили у порога флигеля, либо стучались в дверь студии, а многие делали и так и эдак, но большинство все-таки стучалось в студию. У меня была привилегия делать и так и эдак. Меня пригласили к обеду в субботу вечером когда обычно собирались все, и все действительно собрались. Я пришла на обед. Обед готовила Элен. Я просто обязана немного рассказать об Элен.

Элен работала у Гертруды Стайн и у ее брата уже два года. Она была из породы восхитительных французских бонн как здесь называют прислугу за всё, из славных кухарок более всего озабоченных благополучием хозяев и собственным благополучием и твердо уверенных что цены на все что продается завышены неимоверно. Гос-

¹ «Авиньонские девушки».

поди, да ведь это же так дорого, стандартный ответ на любой вопрос. У нее ничего не пропадало и она умудрялась вести хозяйство из расчета вечных восьми франков в день. Она даже и гостей пыталась проводить по тем же расходам, что составило бы предмет ее особой гордости, но этого конечно добиться было нелегко поскольку если иметь в виду честь дома и пожелания хозяев приходилось каждого кормить так чтоб наелся. Она была великолепная кухарка и готовила изумительное суфле. В то время большая часть гостей жила от более или менее случайных доходов, голодающих не было, всегда находился кто-то кто мог помочь деньгами, но все-таки бóльшая часть этой компании отнюдь не купалась в роскоши. Года четыре спустя когда они все уже начали приобретать известность Брак сказал, с улыбочкой и вздохом, как изменилась жизнь теперь у всех у нас есть кухарки которые умеют готовить суфле.

У Элен были свои симпатии и антипатии к примеру она не любила Матисса. Однажды она заявила, француз не должен ни с того ни с сего оставаться к обеду особенно в том случае если он успел поинтересоваться у служанки чем сегодня будут кормить. Она сказала, иностранцы могут вытворять все что им угодно но только не француз а Матисс однажды именно так и сделал. Мисс Стайн сказала ей, мсье Матисс остается сегодня к обеду, а она ответила, в таком случае я сделаю не омлет а яичницу. Яиц и масла уйдет столько же а уважения меньше, и он поймет.

Элен служила у Стайнов до конца 1913 года. Потом ее муж, а она к тому времени успела выйти замуж и обзавестись маленьким сыном, настоял чтобы она перестала работать на чужих людей. Она уволилась о чем очень жалела и впоследствии всегда говорила что дома жизнь совсем не такая интересная как была на Рю де Флёрюс. Много позже, года три тому назад, она вернулась на год, они с мужем очень бедствовали а сынишка

умер. Она была все такая же веселая и разбитная и ей все на свете казалось невероятно интересным. Она говорила, ну разве не удивительно, все эти люди которых я знала когда они были никто так о них теперь постоянно пишут в газетах, а позавчера вечером по радио упомянули мсье Пикассо. Да что там говорить они в газетах стали писать даже про мсье Брака, который обычно держал картины потому что он был самый сильный, пока консьерж забивал гвозди, а еще они повесили в Лувре, вы только представьте себе, в Лувре, картину этого бедняжки мсье Руссо, который был уж такой застенчивый, что у него не хватало смелости даже в дверь постучать. Ей было страшно любопытно взглянуть на мсье Пикассо с женой и ребенком, и она приготовила для него свой самый изысканный ужин, но как же он изменился, сказала она, хотя, сказала она, это, конечно, так и должно быть но зато сынок у него очень милый. Нам казалось, что на самом деле Элен вернулась, чтобы взглянуть на молодое поколение собственными глазами. В каком-то смысле так она и сделала, но они оказались ей не интересны. Она сказала, они не произвели на нее должного впечатления и очень расстроились по этому поводу потому что про нее-то уж точно знает весь Париж. Через год дела снова пошли в гору, муж начал больше зарабатывать, и она опять перестала работать на чужих. Но вернемся к 1907 году.

Прежде чем говорить о гостях, я хочу рассказать о том, что увидела. Как уже было сказано, получив приглашение на обед, я позвонила в дверь небольшого флигеля и меня провели сперва в крохотную прихожую, а потом в маленькую столовую, где стены были уставлены книгами. Единственное пустое пространство, дверные панели, было заполнено приколотыми на кнопках рисунками Пикассо и Матисса. Поскольку остальные гости еще не пришли, мисс Стайн повела меня в студию. В Париже часто идет дождь и переход от флигеля до

двери в студию всегда был настоящим испытанием, однако предполагалось что вас это беспокоить не должно, поскольку ни хозяев, ни большую часть гостей это не беспокоило. Мы отправились в студию, которая запиралась на йельский¹ замок, единственный в то время йельский замок во всем квартале, и не столько из соображений безопасности, поскольку картины тогда особой ценности не представляли, сколько потому, что ключ был невелик и его можно было свободно класть в сумочку, в отличие от огромных французских ключей. Вдоль стен стояла массивная итальянская ренессансная мебель, не слишком много, а в самой середине был большой итальянский ренессансный стол, на нем чудесный чернильный прибор, а на краю аккуратно разложенные блокноты, вроде тех, которыми пользуются французские дети, с землетрясениями и исследовательскими экспедициями на обложках. А по стенам вплоть до самого потолка висели картины. В одном конце комнаты находилась большая чугунная печь, приходила Элен и с грохотом растапливала ее, а в одном из углов широкий стол где лежали подковные гвозди и камушки и маленькие мундштуки под сигаретки и вы смотрели на все на это с удивлением но ничего не трогали, а потом выяснялось, что Пикассо и Гертруда Стайн просто выгребли все это из карманов. Но вернемся к картинам. Картины были настолько странные, что поначалу вы инстинктивно цеплялись взглядом за что угодно только не за них. Я специально просмотрела несколько моментальных фотографий, сделанных в студии, чтобы освежить память. Стулья в студии тоже стояли итальянские, ренессансные, не слишком удобные если у вас короткие ноги, так что приходилось постепенно вырабатывать привычку сидеть подобрав ноги под себя. Мисс Стайн сидела

¹ Автоматический «американский» замок — у нас такие назывались когда-то английскими.

у печки как раз на таком стуле очень изящном с высокой спинкой, ноги у нее не доставали до пола, но ей это нисколько не мешало, и если кто-нибудь из визитеров подходил к ней и задавал вопрос, она вставала со стула и отвечала, обычно по-французски, только не сейчас. Обычно это относилось к чему-то, что человек хотел посмотреть, к рисункам, которые убрали куда подальше, потому что как-то раз один немец пролил на рисунок чернила, или еще к какой-нибудь неуместной просьбе. Но вернемся к картинам. Как я уже сказала, они висели на выбеленных известью стенах сплошь под самый потолок а потолок там был очень высокий. В то время студия освещалась при посредстве высоченных газовых светильников. Это был второй этап. Их только что установили. А до того были одни только лампы, и тот из гостей кто был покрепче обычно держал лампу пока остальные смотрели. Но газ едва успели провести и гордый на все руки художник-американец по фамилии Сэйен, у которого как раз родился первенец, дабы отвлечься от этого обстоятельства налаживал какое-то механическое устройство от которого светильники должны были зажигаться сами собой. Старушка-домовладелица была страшный консерватор и не держала в своих домах электричества и электричество провели только в 1914-м, хозяйка к этому времени уже настолько одряхлела, что все равно не заметила бы разницы, и агент по недвижимости дал разрешение. Однако на сей раз я и в самом деле намерена перейти к картинам.

Сейчас, когда все и ко всему уже привыкли, очень трудно передать то ощущение тревоги которое испытывал человек впервые взглянувший на развешенные по стенам студии картины. В те дни картины там висели самые разные, до эпохи когда там останутся одни только Сезанны, Ренуары, Матиссы и Пикассо было еще далеко, не говоря об уж еще более поздней с одними Сезаннами и Пикассо. В то время Матиссов, Пикассо,

Ренуаров и Сезаннов там тоже было немало, но немало было и других вещей. Были два Гогена, были Мангэны, была большая ню Валлотона, про которую можно было сказать разве что она совсем не похожа на «Одалиску» Мане, и был Тулуз-Лотрек. Как-то раз примерно в это самое время Пикассо, глядя на эти картины и сильно рискуя, сказал, но я все то же самое пишу лучше чем он. Тогда, в самом начале, Тулуз-Лотрек влиял на него сильнее всех прочих. Позже я купила крохотную картину Пикассо тех лет. Был там еще портрет Гертруды Стайн работы Валлотона очень под Давида но не Давид, был Морис Дени, и маленький Домье, множество акварелей Сезанна, короче говоря, там было все на свете, там были даже маленький Делакура и средних размеров Эль Греко. Там были огромные Пикассо периода арлекинов, были два ряда Матиссов, большой женский портрет Сезанна и еще несколько маленьких Сезаннов, у каждой из этих картин была своя история, и я о них со временем расскажу. А пока я была в полном замешательстве и я смотрела и я смотрела и была в полном замешательстве. Гертруда Стайн и ее брат настолько привыкли к подобной реакции, что не обращали на нее никакого внимания. Раздался резкий стук в дверь студии. Гертруда Стайн открыла и вошел маленький юркий человек, у которого и волосы, и глаза, и лицо, и руки, и ноги пребывали в непрерывном движении. Привет, Элфи, сказала она, это мисс Токлас. Очень приятно миссис Токлас, серьезнейшим тоном сказал тот. Это был Элфи Морер, здешний завсегдаятай. Он бывал здесь еще до того, как появились все эти картины, когда здесь были только японские картинки на шелке, и он был из тех кто зажигал спички чтобы получше разглядеть фрагмент сезанновского портрета. Ну конечно это полотно закончено, сразу видно, объяснял он каким-нибудь американским художникам, которые зашли на огонек и теперь подозрительно оглядывались по сторонам, сразу

видно, потому что оно же в раме а вы хоть раз в жизни слышали чтобы холст вставляли в раму если картина не закончена? Он все вникал, вникал, вникал, всегда почтительно всегда искренне, и это именно он несколько лет спустя самоотверженно и увлеченно подобрал первую партию картин для знаменитой коллекции Барнза. И это именно он сказал когда чуть позже Барнз лично явился в дом на Рю де Флёрюс и принялся размахивать чековой книжкой, упаси меня бог, я его не приглашал. В другой раз Гертруда Стайн, натура взрывная, пришла домой и дома были ее брат, Элфи и еще какой-то незнакомый человек. Который ей сразу не понравился. Это еще кто такой, спросила она у Элфи. Я его не приглашал, сказал Элфи. Он похож на еврея, сказала Гертруда Стайн. Он еще того хуже, ответил Элфи. Но вернемся к первому вечеру. Через несколько минут после того как пришел Элфи, опять раздался отчаянный стук в дверь и, ужин готов, на сей раз Элен. Забавно что четы Пикассо нет, сказали все едва ли не хором, но ждать мы никого не будем по крайней мере Элен уж точно никого не станет ждать. Ну мы и пошли обратно через двор, во флигель, в столовую и сели обедать. Как все-таки забавно, сказала мисс Стайн, Пабло всегда сама точность, он никогда не приходит слишком рано и никогда не опаздывает, он так гордится своей пунктуальностью, вежливость королей, он даже Фернанду приучил к пунктуальности. Конечно если он сказал да это отнюдь не всегда означает что он действительно сделает то на что согласился, он просто не умеет говорить нет, нет такого слова в его словаре и нужно уметь различать когда его да значит да а когда нет, но если он сказал да которое значит да а про сегодняшний вечер он так и сказал, он всегда пунктуален. Эра автомобилей тогда еще не наступила и никто не боялся несчастных случаев. Мы как раз успели доесть первое когда во дворе послышались быстрые шаги и Элен открыла дверь еще до того

как прозвенел звонок. Вошли Пабло и Фернанда как их все обычно тогда называли. Он был маленький, шустрый, но не суетливый и глаза его имели странное обыкновение распахиваться до предела и впитывать то что он хотел увидеть. В нем была отстраненность тореро во главе процессии и такая же характерная манера двигать головой. Фернанда была высокая и красивая женщина в чудесной большой шляпе и в платье судя по всему только что от портнихи, и оба они были сильно на взводе. Я просто вне себя, сказал Пабло, ты же прекрасно знаешь Гертруда я никогда не опаздываю но Фернанда заказала к завтрашней выставке платье и оно не подошло. Ну зато в конце концов вы все-таки пришли, сказала Гертруда Стайн, а раз пришли именно вы Элен ворчать не станет. И мы все сели за стол. Я оказалась рядом с Пикассо он все время молчал а потом понемногу успокоился. Элфи рассыпался в комплиментах Фернанде и она тоже в скором времени стала тихая и безмятежная. Чуть погодя я шепнула Пикассо что мне нравится его портрет Гертруды Стайн. Да-да, сказал он, все говорят она не похожа но это все чушь, она будет похожа, так он сказал. Разговор вскоре стал оживленным речь шла об открытии салона независимых как о главном событии года. Всем было очень интересно по какому поводу будет скандал а по какому скандала не будет. Пикассо никогда не выставлялся но выставлялись его последователи и с каждым из них связана целая куча историй и оттого надежды и страхи были самые неподдельные.

Когда мы пили кофе во дворе послышались шаги много шагов и мисс Стайн встала и сказала, не торопитесь, я пойду их впусти. И ушла.

Когда мы вернулись в студию там уже была целая куча народу, разбросанного там и сям группами, поодиночке и парами и все они смотрели и смотрели. Гертруда Стайн сидела у печки и говорила и слушала и вста-

вала чтобы открыть дверь или просто подойти к каким-нибудь людям поговорить и послушать. Если стучали в дверь открывала обычно именно она и была стандартная формула, *de la part de qui venez-vous*¹, кто вас пригласил. Идея была такова что прийти мог кто угодно но с формальной точки зрения а в Париже без готовых формул и шагу не ступишь, предполагалось что каждый в состоянии назвать имя человека который ему об этом доме рассказал. Это была чистой воды формальность, на самом деле пускали всех и картины в то время никакой ценности не представляли и знакомство с кем-то из завсегдаев не давало никаких социальных привилегий, так что приходили только те кому на самом деле было интересно. Вот я и говорю пускали всех но формальности соблюдались. Однажды мисс Стайн отворила дверь и спросила как обычно, кто вас сюда пригласил, и мы услышали обиженный голос в ответ, да вы же сами и пригласили, мадам. Это был некий молодой человек Гертруда Стайн где-то успела с ним познакомиться и проговорила с ним бог знает сколько времени и сердечнейшим образом пригласила его к себе а потом совершенно об этом забыла.

Комната вскоре была забита до отказа и кого там только не было. Венгерские художники и писатели во множестве, потому что как-то раз пригласили одного венгра а потом по всей Венгрии прошел слух, и в каждой деревне где был свой подающий надежды молодой человек знали о доме номер 27 по Рю де Флёрюс, и у молодых людей появлялась в жизни цель добратся до Рю де Флёрюс и многим это и в самом деле удавалось. Их тут всегда было полным-полно, всех размеров и типов, всех возможных степеней богатства и бедности, некоторые были очаровательны, другие просто неотесанны,

¹ В переводе сохранены свойственные оригиналу особенности французского правописания.

и время от времени попадался очень красивый крестьянский паренек. Было много немцев, но их недолюбливали потому что им вечно хотелось взглянуть на что-нибудь этакое что из студии убрали и потому что они всегда все ломали а у Гертруды Стайн слабость к хрупким вещам, люди, которые коллекционируют только то что не ломается внушают ей ужас. Были еще американцы в должном количестве, то Милдред Олдрич приведет несколько человек, то Сэйен, электрик, то один из художников а иногда забредал по случайности какой-нибудь студент-архитектор и еще были завсегда таи и среди них мисс Марс и мисс Сквайерз которых Гертруда Стайн увековечит потом в истории про мисс Ферр и мисс Скин. В тот первый вечер мы с мисс Марс говорили на тему для тех времен совершенно новую, как накладывать макияж. Ее интересовали общие типы, она знала, что бывают *femme decorative*, *femme d'interieur* и *femme intrigante*¹; не было никакого сомнения что Фернанда Пикассо была *femme decorative*, но вот что такое мадам Матисс? *Femme d'interieur*, сказала я, и ей это очень понравилось. Время от времени были слышны высокий на испанский манер похожий на лошадиную скороговорку смех Пикассо и веселое контральто Гертруды Стайн, а люди так и сновали то туда, то сюда. Мисс Стайн велела мне сесть рядом с Фернандой. Фернанда всегда была красавицей но с норовом. Я села, и это был первый раз когда я сидела с женой гения.

Прежде чем я решилась в конце концов написать эту книгу о двадцати пяти проведенных с Гертрудой Стайн годах, я часто говорила что называться она будет «Как я сидела с женами гениев». Их было великое множество. Я сидела с женами, которые на самом деле были не жены, гениев, которые на самом деле были гении. Я сидела с настоящими женами ненастоящих гениев.

¹ Видная женщина, домохозяйка, загадочная женщина (фр.).

Я сидела с женами гениев, почти что гениев, несостоявшихся гениев, короче говоря я часто и подолгу сидела с множеством жен и с женами множества гениев.

Как я уже сказала Фернанда, которая тогда жила с Пикассо и жила с ним уже довольно долго то есть я хочу сказать им обоим было по двадцать четыре года но они были вместе уже довольно долго, так вот Фернанда была первой женой гения, с которой мне довелось сидеть и отнюдь не самой худшей. Говорили мы о шляпках. У Фернанды были только две темы, духи и шляпки. В тот первый вечер мы говорили о шляпках. Она обожала шляпки и относилась к шляпкам как настоящая француженка, и если шляпка не вызывает во встречных мужчинах желания блеснуть остроумием, зачем нужна такая шляпка. Как-то раз много позже мы с ней вдвоем прогуливались по Монмартру. На ней была большая желтая шляпа а на мне много меньших размеров и голубая. Так мы с ней и шли а потом остановился проходящий мимо рабочий и крикнул на всю улицу, вот идут луна и солнышко и светят вместе. Ага, сияя улыбкой обернулась ко мне Фернанда, наши шляпки имеют успех.

Мисс Стайн подозвала меня и сказала что хочет познакомить меня с Матиссом. Ее собеседником был среднего роста человек с рыжеватой бородой и в очках. Он был все время как будто настороже хотя слегка тяжело-ват и вид у них с Гертрудой Стайн был очень загадочный. Подойдя поближе я услышала ее фразу, да, конечно, только теперь это будет куда сложнее. Мы говорим, пояснила она, об одном званом обеде здесь у нас в прошлом году. Мы только-только развесили все картины и пригласили авторов. Вы же знаете что за народ художники, я хотела чтоб они почувствовали себя счастливыми людьми и посадила каждого напротив его собственной картины, и они были совершенно счастливы так счастливы что нам пришлось дважды посылать за хлебом. Когда вы получше узнаете Францию вы поймете

что это значит, они действительно были совершенно счастливы, потому что здесь без хлеба ничего не едят и не пьют и если мы дважды посылали за хлебом, значит все были совершенно счастливы. Никто не заметил этой моей маленькой хитрости кроме Матисса да и тот только перед тем как собрался уходить, а теперь он говорит, вот мол доказательство того что я злюка, Матисс рассмеялся и сказал, я же знаю, мадемуазель Стайн, что мир для вас театр, но театр театру рознь, и если вы слушаете меня внимательней некуда и ловите каждое мое слово а потом выясняется что вы ни слова не слышали вот тогда я и говорю что вы большая злюка. А потом они оба стали говорить о выставке независимых как все прочие а я конечно и понятия не имела о чем речь. Но постепенно я обо всем об этом узнала и чуть позже расскажу вам историю этих картин и художников которые их написали и тех кто им подражал и о чем был весь тогдашний разговор.

Потом я оказалась рядом с Пикассо, он стоял и о чем-то размышлял. Как вы думаете, спросил он, я и вправду похож на вашего президента Линкольна. Я много о чем успела передумать в тот вечер, но ничего подобного мне даже и в голову не приходило. Видите ли, продолжил он, Гертруда (хотела бы я передать хоть отчасти ту простую приязнь и то доверие с которым он всегда произносил ее имя и с которым она всегда говорила «Пабло»). За всю долгую историю их дружбы а случались и размолвки и разные прочие неприятности эта интонация оставалась неизменной) Гертруда показала мне его фотографию и я попытался причесаться под него, мне кажется лоб один в один. Я не знала шутит он или говорит серьезно но проявила живейшую заинтересованность. Я тогда и понятия не имела что Гертруда Стайн настолько американка, до мозга костей. Позже я часто подтрунивала над ней, называла ее генералом, генералом времен Гражданской войны, с той или с другой стороны

а то и с обеих разом. У нее было много фотографий тех лет, очень даже интересных фотографий, и они вдвоем с Пабло частенько их рассматривали. А потом он вдруг вспоминал испанскую войну¹ и тоже становился испанцем до мозга костей и очень обиженным испанцем и тогда эти две персонификации Испании с Америкой много всякого могли друг другу наговорить про Америку и про Испанию. Но в тот первый вечер я ничего об этом не знала и просто старалась быть вежливой только и всего.

А вечер между тем подошел к концу. Все потянулись к выходу и говорили они все о выставке независимых. Я тоже ушла унеся с собой приглашение на эту самую выставку. Вот так и закончился этот вечер, один из самых важных вечеров в моей жизни.

Я пошла на выставку захватив с собой подругу, приглашение было на двоих. Мы пришли очень рано. Нам сказали прийти пораньше а то мы ничего не увидим и не будет сидячих мест, а моя подруга хотела сидеть. Мы пошли к зданию построенному специально для этого салона. Во Франции постоянно что-нибудь строят на день или на несколько дней а потом опять сносят. Старший брат Гертруды Стайн всегда говорил что секрет всеобщей занятости или скорее отсутствия безработицы во Франции в том что огромное количество народу

¹ Речь идет об испано-американской войне в апреле—августе 1898 года. Причинами ее стали довольно рано (уже к середине XIX века) сформировавшиеся имперские амбиции США, опиравшиеся на доктрину о божественном предназначении (Manifest Destiny) американского государства и американской нации, избранного народа, призванного создать на Американском континенте «зону свободы», а в перспективе распространить эту «зону» на весь мир. В результате войны, по Парижскому мирному договору (декабрь 1898 г.), Испания уступила США Филиппины, Пуэрто-Рико и Гуам. В ходе войны США захватили также независимую республику Гавайи, а Куба, бывшая испанская колония, стала американским протекторатом.

постоянно трудится над возведением и над сносом временных сооружений. Природа человека во Франции есть материя настолько неизменная что французы могут себе позволить любое количество временных сооружений. Мы пошли к невысокому длинному и не просто длинному а очень-очень длинному временному зданию которое каждый год возводили для выставки независимых. Когда после войны или незадолго до нее, я точно не помню, независимым выделили постоянное помещение в большом выставочном центре, в Гран-Пале, все это стало гораздо менее интересным. В конце концов ценность представляет само предприятие, сама авантюра. Освещение в длинном здании было красивое чисто парижское.

В былые, еще более давние времена, в эпоху Сёра, независимые выставлялись в здании где не было даже защиты от дождя. В общем-то именно из-за этого, из-за того, что развешивал картины под дождем, бедняга Сёра и подхватил ту простуду, которая и свела его в конце концов в могилу. Но теперь дождя внутри никакого не было, и вообще день был прекрасный и у нас было очень праздничное настроение. Когда мы туда добрались в самом деле оказалось что мы пришли очень рано едва ли не самыми первыми. Мы бродили из зала в зал и честное слово даже представления не имели какие из этих картин вечерняя субботняя публика сочтет за настоящее искусство а какие были просто любительской мазней людей известных во Франции под названием «воскресные художники», то есть рабочих, парикмахеров, ветеринаров и просто фантазеров которые пишут картины только раз в неделю когда не нужно работать. Я сказала что мы даже представления не имели но кое-какое у нас наверное все-таки было. Но вот Руссо в наши представления никак не укладывался, а там висел огромный Руссо самая скандальная картина этой выставки, групповой портрет высших должностных лиц республики,

теперь он у Пикассо, и что эта картина будет в конце концов причислена к лику шедевров и в итоге, как скажет Элен, окажется в Лувре. Еще там было если мне не изменяет память странное полотно все того же *douanier*¹ Руссо, нечто вроде апофеоза Гийома Аполлинера с пожилой Мари Лорансен за спиной в роли музы. В нем я тоже не увидела серьезного произведения искусства. В то время я конечно знать не знала кто такие Мари Лорансен и Гийом Аполлинер но дело дойдет и до них. Потом мы прошли чуть дальше и увидели Матисса. Ну вот наконец хоть что-то знакомое. Матисса мы узнали с первого взгляда, сразу, и он нам понравился и мы вполне отдавали себе отчет что это большое искусство и что это красиво. Там была внушительных размеров женская фигура лежащая среди каких-то кактусов. Картина, которая после выставки окажется на Рю де Флёрюс, где в один прекрасный день пятилетний сынишка консьержа он часто забегал к Гертруде Стайн и она была к нему очень привязана, запрыгнул к ней на руки когда она стояла в открытых настежь дверях студии и глянув ей через плечо и увидав эту картину крикнул в совершеннейшем восторге, *o-la-la*, какое красивое женское тело. Мисс Стайн потом все время рассказывала эту историю когда какой-нибудь случайный человек пытался, глянув на картину, объяснить в свойственной случайным людям напористой манере, что тут такое нарисовано.

В одном зале с Матиссом, отчасти скрытая перегородкой, висела венгерская версия этой же самой картины кисти некоего Чобеля которого я вроде бы видела как-то раз на Рю де Флёрюс, это была обычная милая манера независимых вешать фовиста-эпигона напротив фовиста-мастера, который все же был несколько менее *fauve*.

¹ Таможенника (фр.).

Оглавление

1. До приезда в Париж	5
2. Мой приезд в Париж	9
3. Гертруда Стайн в Париже	38
4. Гертруда Стайн до приезда в Париж	89
5. 1907–1914	111
6. Война	190
7. После войны 1919–1932	261